

Дмитрий Степанов,

партнер Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский, Афанасьев
и партнеры», адвокат, кандидат
юридических наук

— Если вести речь только о правовой позиции, поддержанной высшими судами (конкретное дело оставим за скобками), то отношение к ней можно выразить очень просто: разочарование, глубокое разочарование. Вряд ли какой-либо правопорядок допустил бы арбитрабельность абсолютно всех корпоративных споров, однако ни один развитый правопорядок не знает полной неарбитрабельности таких споров — то, что, по сути, установилось у нас сейчас.

Еще совсем недавно, после Постановления Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П, появилась эйфория, точнее, наивная надежда, что коль скоро решился спор с арбитрабельностью споров, связанных с ипотекой (шире — любых споров с недвижимостью), то следующими будут споры корпоративные. При этом если ни административный (регистрация прав на недвижимость), ни юрисдикционный (исключительная подсудность по месту нахождения недвижимого имущества) элемент не является препятствием для передачи соответствующего спора третьей стороне, то уж тем более не должно быть таких ограничений для споров корпоративных. Действительно, в корпоративных спорах по общему правилу вообще нет административного компонента, это спор участников, объединившихся в гражданско-правовое образование по своей воле, по сути это спор из ранее добровольно заключенного гражданско-правового соглашения. Там, где есть соглашение о правах и обязанностях, всегда может быть соглашение и о том, как надлежит разрешать споры, если они возникнут в будущем по поводу таких прав и обязанностей. Но не тут-то было: юрисдикционный элемент все же оказался здесь преобладающим, в итоге мы имеем довольно грубую, недифференцированную позицию, скажу жестче — позицию топорную.

Хотелось бы надеяться, что, поскольку в данном случае не было принято «позитивного» судебного акта (постановления Президиума ВАС или хотя бы определения «по жалобе», а не определения КС РФ «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы»), это еще не финал, а только начало истории. Если это так, то можно предложить ряд позиций, над которыми следовало бы подумать.

1. Ссылки на исключительную подведомственность корпоративных споров государственным арбитражным судам — аргумент довольно формальный. Честно говоря, странно, что КС РФ довольно легко обходится с данным доводом, не видя препятствий в исключительной подсудности споров о недвижимости (см. п. 5—7 мотивировочной части Постановления № 10-П), но почему-то занимает прямо противоположную позицию применительно к корпоративным спорам.

2. Видимо, дело здесь не в формально-юридических аргументах, а в боязни открыть ящик Пандоры, если будет в общем виде допущена арбитрабельность корпоративных споров. Однако если это соображение верно, давайте думать не про общий запрет, а лишь про случаи, когда передача третьей стороне спора корпоративного спора невозможна в принципе. В свете того, что любой спор по поводу акций (долей в уставном капитале) и реализации заключенных в них прав так или иначе может оказаться корпоративным, общий запрет в

данном случае не самое мудрое решение. Более того, исходя из стремления уменьшить ту запредельную нагрузку арбитражных судов и судей, которую мы видим, решение это совершенно неверное с политико-правовой точки зрения.

3. Что это за ограничения, при которых корпоративный спор не должен уходить в третейский суд? Это все те же классические ситуации, когда затрагиваются права третьих лиц, напрямую не выразивших согласия с третейской оговоркой. Понятно, что в корпоративных отношениях в силу самой их природы таких ситуаций много. Примерный перечень арбитрабельных споров очень легко вычислить: возьмите любую категорию корпоративных споров из ст. 225.1 АПК РФ и проверьте, участвуют ли в споре все участники корпорации, нарушает или нет возможное решение, принятое по результатам рассмотрения дела, права иных участников корпорации либо ее кредиторов. Если ответ положительный, спор подлежит рассмотрению в государственном суде; если часть или все участники корпорации приняли на себя арбитражную оговорку, а потенциальное решение не нарушает прав третьих лиц, то препятствий нет и *de lege ferenda* такой спор надо признать арбитрабельным. Так, аннулирование создания юрлица, оспаривание реорганизации, обжалование решений собраний участников, советов директоров и т.п. вряд ли можно представить в негосударственном арбитраже. Напротив, спор об исполнении обязательств из акционерного соглашения, договора залога или купли-продажи акций (долей в уставном капитале) и даже (!) спор об обжаловании решений собраний или заседаний коллегиальных органов управления и контроля, если аннулирование такого решения не нарушает прав третьих лиц и в его принятии участвовали все члены корпорации и/или их представители (голосование по директивам), предварительно согласившиеся на арбитражную оговорку, — все подобные споры, так или иначе укладывающиеся в логику добровольного соглашения, могут быть подведомственны третейским судам. Ничего специфического логика корпоративного участия таким спорам в сравнении с «обычными» договорными спорами не придает.

4. Для корпоративных споров встанет тот же вопрос о форме арбитражной оговорки. Либо ее указание в документах, определяющих содержание будущих корпоративных отношений, прав и обязанностей участников корпоративного образования, допустимо, и присоединение к корпорации, а значит, и к таким документам, автоматически будет указывать на заключение третейского соглашения, либо, наоборот, передача корпоративного спора третейскому институту предполагает необходимость каждый раз специально создавать соответствующее соглашение. Видимо, в данном вопросе получит развитие та же логика, что ранее была применена к облигационным выпускам: присоединение к стандартным документам организации, содержащим среди прочего арбитражную оговорку, не указывает на заключение действительного третейского соглашения (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.11.2009 № 10462/09). Иными словами, включение арбитражной оговорки в устав, внутренние регламенты или документы о выпуске акций не тождественно заключению третейского соглашения; в то же время заключение специального соглашения или включение такой оговорки в акционерное соглашение, договор об обременении или отчуждении акций (долей) указывает на передачу споров соответствующему третейскому институту.

В общем, будем надеяться, что серьезное обсуждение данной проблемы делает только первые шаги, и скоро мы начнем движение в сторону некоторой либерализации в этой сфере.

Малхаз Пацация,

ведущий научный сотрудник
Российской академии правосудия,
партнер НП «Первая коллегия
адвокатов г. Москвы»,
доктор юридических наук

— Думается, сформулированная в Определении от 21.12.2011 № 1804-О-О позиция КС РФ, основана на его ранее изложенных правовых подходах к толкованию ст. 46 Конституции РФ, согласно которым из последней не вытекает возможность выбора заинтересованным лицом конкретных форм и способов реализации прав, установленных федеральными законами. В данном случае речь идет о правилах п. 2 ч. 1 ст. 33, ст. 225 АПК РФ, в которых недвусмысленно конкретизирован порядок судебной защиты прав в корпоративных спорах. Эти споры, как и ряд других дел, в том числе упомянутых в ст. 33 АПК РФ, относятся к специальной подведомственности арбитражных судов. Эта подведомственность носит специальный характер не только по отношению к компетенции судов общей юрисдикции, но и иных юрисдикций, включая третейские суды.

В связи с этим необходимо учитывать положение п. 4 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже». В соответствии с данной нормой указанный Закон не затрагивает действия какого-либо другого закона РФ, в силу которого определенные споры не могут передаваться в арбитраж или могут быть переданы в арбитраж только в соответствии с положениями иными, нежели те, которые содержатся в настоящем Законе. Подлежит учету и норма п. 2 ст. 1 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», в которой определено, что в третейский суд может по соглашению сторон передаваться любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом. А иное, как известно, прямо установлено в п. 2 ч. 1 ст. 33 АПК РФ.

При этом важно и то, что в настоящее время нет ни нормы международного договора (к которым отсылают п. 5 ст. 1 Закона «О международном коммерческом арбитраже» и п. 4 ст. 1 Закона «О третейских судах в Российской Федерации»), ни иной нормы, имеющей более высокую юридическую силу, чем ст. 33 АПК РФ, которые создавали бы правовую основу для рассмотрения корпоративных споров в каком-либо ином юрисдикционном органе России, нежели государственный арбитражный суд.

Что касается будущего, загадывать сложно, но нельзя полностью исключить, что при определенных условиях (при возрастании правовой и корпоративной культуры в российском обществе, формировании транспарентных условий функционирования третейских судов и т.д.) возможна и адекватная либерализация нынешних довольно жестких правил подведомственности корпоративных споров. Это было бы небесполезно не только в плане разгрузки арбитражных судов, но и в формировании более ответственного предпринимательского сообщества как интегрального элемента современного гражданского общества, способного самостоятельно, без лишней государственной опеки, разрешать свои корпоративные споры.